

СОТНИК

ЦИКЛ
Евгения Красницкого

ОТРОК

Внук сотника

Бешеный лис

Покоренная сила

Перелом

Ближний круг

Женское оружие

Стезя и место

Бабы строем не воюют

Богам — божье, людям — людское

СОТНИК

Беру все на себя

Уроки Великой Волхвы

Так не строят!

Позиционные игры

Евгений Красницкий
Елена Кузнецова
Ирина Град

СОТНИК

Позиционные игры

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К78

Серия «Отрок»

Выпуск 14

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

**К78 Красницкий, Евгений Сергеевич;
Кузнецова, Елена Анатольевна; Град, Ирина**
Сотник: *Позиционные игры: роман / Евгений Красницкий, Елена Кузнецова, Ирина Град.* — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 384 с. (Серия «Сотник»).

ISBN 978-5-17-108433-2

Возвращаясь из дальнего и очень непростого похода, Мишка Лисовин, конечно, понимал, что дома долго отдыхать не придется — князя милость не подарок, а ярмо, которое повесили на него и всю сотню, но хоть на какой-то отдых он вправе был надеяться. Не срослось: дома его ждали такие подарки судьбы — хоть назад в поход беги.

Позиционная война — столь же кровавая и жестокая, как и любая другая, если не хуже: именно она планирует все будущие жертвы и защищает своих. Холопский бунт, вспыхнувший в Ратном в отсутствие сотни, стоил жизни многим односельчанам, и Корней, вместо торжественной встречи, приготовил внуку «подарочек» — расправу над отроками из Младшей стражи, чьи родители по глупости пошли за бунтовщиками. Отдать мальчишек на казнь — потерять всю Младшую стражу, не отдать — пойти на открытый бунт против воеводы и сотника. Едва-едва удалось, минуя Ратное, прорваться в крепость, а там свои сюрпризы посыпались, от соседа из-за болота.

И разбираться надо со всеми проблемами одновременно — и с дедом, и с теми ратнинцами, что не рады малолетнему выскочке, и с заболотными соседями, да и про княжи дела не забывать. Ни одну партию не отложишь и дополнительное время на раздумья не возьмешь. Вот и пришлось Ратникову вести игру на всех досках одновременно, причем извернуться надо так, чтобы и самому выиграть и чтобы партнёры по игре внакладе не остались.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Евгений Красницкий, 2018

© Елена Кузнецова, 2018

© Ирина Град, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-108433-2

Авторы сердечно благодарят за помощь и советы своих ридеров и консультантов: Дениса Варюшенкова, Юлию Высоцкую, Сергея Гильдермана, Лидию Иванову, Константина Литвиненко, Наталью Немцеву, Геннадия Николайца, Александра Панькова, Юрия Парфентьева, Павла Петрова, а также пользователей сайта <http://www.krasnickij.ru>: Дачник, Имиф, иорданец, Лучик, Марья, Ульфхеднар, Andre, aspesivcev, deha29ru, itronixoid и многих, многих других.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Ноябрь 1125 года

*Дорога между Туровом и Михайловской
крепостью*

Как Илья исхитрился, непонятно, но обещание свое исполнил; со стороны глядя, умысел и не заподозришь. Произошло все само собой: телеги, сцепившиеся на самом въезде, пробкой закупорили ворота в Ратное, создавая затор, усугубленный скандалом, немедленно поднятым возчиками. Похоже, с мордобитием. А тут ещё небольшое стадо коров, свиней и прочих баранов, закупленное для семей артельщиков, почуяло близкое жильё, совершенно вышло из берегов и внесло свою лепту в происходящее. И уже не разобрать, по собственной ли инициативе взбесилась скотина или благодаря ловкости обозного старшины, но Илья озабоченно хлопотал в самом эпицентре этого безобразия и старательно имитировал бурную деятельность по наведению порядка в подведомственном ему хозяйстве.

Далее, в полном соответствии с теорией управляемого хаоса, все понеслось само собой по нарастающей под аккомпанемент криков, бабьего визга, ругани, мы-

чания, бляения и хрюканья. Мишка не на шутку обеспокоился, выдержит ли многострадальный ратнинский тын ещё и этот штурм, вдобавок к тем двум, что выпали на его долю за последние месяцы.

Впрочем, на этот раз селу ничего не угрожало: ну, может, чего там потопчут-поломают, но, надо надеяться, дед порядок быстро наведет, разве что по шее кому-нибудь перепадет сгоряча. Главное, чтобы Корней, когда поймет, что происходит и как его развел любимый внучек со товарищи, не плюнул на все и не рванул верхом через село к другим воротам, которые на мост выходят. Вот тогда уже беды не миновать — публичного неподчинения своему приказу воевода не спустит. А подчиниться этому приказу сотник Младшей стражи никак не сможет. Вот тогда — все. Открытый бунт. Такое только кровью потом смывать.

«Ну, сэ, теперь все исключительно от лорда Корнея зависит. Сможет и, главное, захочет он свой гонор унять или все-таки танком попрут? Одна надежда на Егора. Он, конечно, сотнику не указ, и если тому вожжа под хвост залетит, удержат его не сможет, но десятник не хуже вас понимает, чем оно обернется, так что слова, надеюсь, найдет... Даже если сразу выложит деду главное про все наши дела грешные, уже хорошо. Лорд Корней, конечно, у нас жесткий приверженец авторитарного стиля управления, то есть самодур на всю голову, но все-таки ключевое слово тут — управленец. Должен просчитывать последствия...

Должен-то должен, но пожелает ли?... Ладно, чего гадать, все сейчас и определится... Блин, что ж так медленно-то!! На тот берег перейдем, воевода следом не погонится, а так, как он задумал, уже не выйдет. Придется или разоружать нас, или воевать. Сотню поднимет? Нет, не рискнет...

Ну же! Чуть-чуть осталось... Черт побери твою в бога душу мать, давай же! Пронеси, Господи...»

Мишка с облегчением увидел, что на мост вступили последние двое отроков, и, мысленно перекрестившись, направил своего коня следом за ними. Только на въезде в лес ещё раз обернулся и перевел дух: свалка возле Ратного отсюда почти не просматривалась, да и успокаиваться там стали; деда или, не дай бог, вооруженных воинов тоже не наблюдалось, речные ворота стояли запертые. Ну, значит, пронесло. Пока пронесло, а там разберемся...

— Илья совсем, что ли, сдурел? — подъехавший к брату Дёмка недовольно поморщился. — Представляю, что дядька Никифор деду выскажет... Всю дорогу ведь присматривался, как с обозом управляемся, а тут... А ты что, сам воеводе и не доложишь?

— Потом все, — мотнул головой Мишка. — Егор доложит. Сейчас нам в крепость надо спешить.

— Опять там нападения ждут? — Дёмка хмуро кивнул. — Ясно...

Мишка не стал разубеждать брата, но и не подтвердил его догадку кивком, оставляя себе хоть какую-то иллюзию, что не соврал — просто всей правды не сказал.

«А сказать придется, если только дед не одумается и не предпочтет сделать вид, что ничего не было. Хотя, сэр, вы на такой подарок судьбы никак рассчитывать не можете — не с вашим счастьем, как говорится. Да и не в самом Корнее дело: он уже так просто от своего слова отступить не сможет, даже если захочет. Алексей и его орлы знают — или их мочить теперь, или на своем настаивать. Но про это не сейчас, дома и в соответствии с ситуацией — после того, как станет ясно, что происходит, и на каком мы свете...»

И так пришлось Егора посвящать. Мишка, конечно, всего и ему не сказал, и сам десятник лишних вопросов не задавал, но что тот все понял, сомневаться не стоило, а вот ближникам придется объяснять подробно. Что именно — дома решит. Он и сам пока знал только то,

что Сенька, поджидавший Младшую стражу на Княжьем Погосте, передал ему на словах от матери.

«А ведь леди Анна про Алексея все понимает... Не может не понимать. Стало быть, она от своей последней и главной в жизни любви отказалась? Пожертвовала своим бабьим счастьем ради сына. Об этом Мишка Лисовин не задумался бы даже, а вы не можете не понимать и не оценить. Мать – она и тут мать. Или уже боярыня ради рода решала? Не важно – важно, что она свой выбор сделала...»

Налегке, без обоза, те десять верст, что оставались до крепости, миновали быстро. Погони не было, однако и испытывать судьбу Мишка не хотел, так что шли на рысях, сам он так и держался сзади, а потому выехал к переправе последний и...

Ратников не сразу понял, что происходит: отроки, хоть и продолжали держать строй и соблюдать привычный порядок, тем не менее сейчас производили впечатление не воинского подразделения на марше, а ошалевшей толпы. Мальчишки замерли в седлах, все как один уставившись куда-то в небо над крепостью. Роська, стянув шлем с головы, истово крестился с просветлевшим лицом святого мученика, внезапно узревшего знамение, и беззвучно шевелил губами, вероятно произнося соответствующую случаю молитву. Прежде чем недоумевающий боярич успел развеять этот морок привычной командой, к нему подлетел обалдевший не менее всех остальных, но несмотря на это не забывший про командира и свои обязанности Дмитрий:

– Минь, видишь?! Вон...

Все ещё ничего не понимающий Мишка проследил за рукой старшины Младшей стражи и сам едва не упал с седла. Правда, его обалдение оказалось немного другого рода, чем у всех остальных отроков, но легче от этого не стало: над крепостью в восходящих потоках воздуха парил самый настоящий воздушный змей! Тот самый, каких Ратников в детстве и сам немеряно запу-

скал, ловя ветер. Ничего особенного в его конструкции не было: ромбовидный, с положенным хвостом из мочала и разноцветных тряпочек. Только что раскрашенный не драконами или самолетами, а с нарисованным на полотнище ликом Иисуса Христа, достаточно примитивным по исполнению, но хорошо различимым на солнце, несмотря на расстояние...

«Оббалдеть – не встать! Явление Христа народу, блин! Это кто ж у нас в Александры Ивановы записался?»

Мишка поймал себя на желании хорошенько треснуться обо что-нибудь головой, чтобы привести разбегающиеся мысли в порядок. Он, конечно, в отличие от отроков, принявших этот взвившийся в небо лик то ли за божье чудо, то ли за какую чертовщину, в земном и вполне рукотворном происхождении данного явления не усомнился, но дела это не меняло. Кто здесь и сейчас мог запустить в небо змея, кроме его современника? Случайно забредший на огонек китаец?

«М-да, сэр, каждый уважающий себя попаданец должен изобрести самогонный аппарат, построить доменную печь и встретить китайца для обучения тонкому искусству дзю-до, дзю-после, познания дао любви, ну, и секрета изготовления фарфора до кучи. Штоб было.... Как там в анекдоте?.. Уже пятый монах Шаолиня, попадавшийся на пути, к сожалению, ничего не знал ни о кун-фу, ни о производстве фарфора, зато пытался впарить герою партию контрафактных мечей-кладенцов. Оптом со склада производителя...»

Но даже если предположить, что этого китайца с какого-то бодуна сюда занесло, пока вы воевали, то лик Иисуса Христа – явно не шаолиньских ручек дело. И позвольте напомнить вам, сэр, что Китай далеко, а вот ваш, так сказать, коллега по цеху, рядом. Месье Журавль проспался, проникся и политического убежища попросил?

Тьфу, опять какая-то хрень в голову лезет! Отроки сейчас в религиозный экстаз массово впадут, а тут дурью маешься! Вон, Роська уже с седла сползти пытается – не иначе, на

колени грохнуться норовит, да и остальных клинит. Получите какую-нибудь секту Свидетелей Второго Вознесения на свою голову – будет вам тогда камасутра... И с вечера тоже».

– Отставить! Себя в порядок привести – рассуполнились, как девки на сеновале! Поручик Василий! Приказа спешиться не было! Митька! Куда смотришь?! Я за тебя командовать буду? Видите, как нас встречают?– Мишка кивнул на парящий в небе стяг. – Сие чудо не просто так, оно нарочно для нас сделано. Молодцы! Кто-то рукодельный в крепости постарался, сообразил, как все устроить да запустить! Это полотнище, на тонких рейках натянутое и ветром подхваченное, называется змей воздушный. Во-он бечевка, которой им управляют с земли, видна... – он обвел взглядом отроков, оживающих после его слов. – Господь наш велик и всемогущ, и фокусы дешевые, как скоморох на торжище, не показывает, а потому запомните: считать все непонятное истинным – вот залог подлинной веры*. И в чудесах она не нуждается. Лучшее чудо то, что мы сами создаем. Вот в ЭТОМ воля Господа и чудо Его!

Последнее Мишка сказал специально для Роськи, уж больно расстроенная у того была физиономия. А для закрепления урока рявкнул:

– Смирррна! Старшина Младшей стражи, командуй!

«М-да, сэр, не романтик вы, ну вот не романтик, и все тут. Обломали весь кайф поручику. Впрочем, хорошо, что сейчас так вышло, а то уж больно легко оказалось развести его на чудо. Нет, он и впрямь только после вашего пояснения увидел и бечевку, и то, что образ рукотворный, на холсте намалеван, а ведь если бы так и осталось загадкой, потом бы искренне и с жаром всем доказывал, что в небе лик светился на облаке или что там ему почудилось-то? ПОВЕРИЛ. Потому что верит искренне и очень хочется ему чуда...»

* Тертуллиан.

Ратников ещё по прежней жизни не раз был свидетелем того, как искренняя жажда чуда напрочь лишала далеко не глупых людей способности здраво оценивать происходящее, словно искажала реальность в угоду их страстному желанию и вере, вписывая вещи обыденные и понятные в прокрустово ложе «чудесного». Так всяческие, не в меру расплодившиеся после перестройки, охотники за НЛО и барабашками «видели» их и даже общались с представителями внеземных цивилизаций и потустороннего мира. Страна массово «исцелялась» и «заряжала» воду перед экранами телевизоров, с которых тарасились на них с умным видом целители всех мастей, люди за сумасшедшие деньги покупали всевозможные БАДы, иногда откровенно сомнительного качества – хорошо, если безвредные – и исцелялись! Верили, потому как хотели поверить.

Вот и политикам верили точно так же. И что рынок вдруг придет и всех спасет, и что если остановить заводы и разоружить армию, а в правительство посадить представителей чужого, откровенно враждебного государства и следовать их советам, страна с чего-то вдруг станет богатой, а все сразу счастливыми... А потом, когда вдруг выяснилось, что не станет, что иностранные специалисты заботятся прежде всего о благе собственного государства (а с какого бокуна им заботится о чужом, спрашивается?), что любое экономическое чудо есть всегда результат долгой напряженной работы и экономики на всем, так многие от морока очнулись и сами потом только что головой о стенку не колотились с досады – да как же нас так развели-то?

«Ведь вот оно все, невооруженным глазом различимо – и холст, и речки, и бечевка, которой этим «чудом» воздушным управляют, только включай критическое мышление и здравый смысл хотя бы на малые обороты! Пусть даже на долю секунды, а дальше оно, это мышление, своего не упустит. Так что хороший урок ребятам получился. Пусть привыкают при

виде любого непонятного прежде всего задействовать исследовательскую реакцию, а уже потом «Аллилуйя!» кричать. А лучше и вовсе промолчать...»

Впрочем, курс молодого бойца по «ловле птицы обломинго» для ближников Ратникову пришлось провести ещё в дороге. И тоже благодаря Роське...

* * *

— Минь, ты не сердись только... — в участливом взгляде, казалось, отразилось все христианское смирение и сострадание к ближнему, кои он только мог изобразить. — Я спросить хочу...

— Ты чего, Рось? — Мишка воззрился на своего крестника, озадаченный, чем вызваны эти гримасы, тем паче что поручик Василий уже давно поглядывал на него с задумчивой тревогой, ерзал и момент для своего вопроса выбрал такой, когда рядом никого не оказалось. И подозрительно мялся, выказывая при этом ранее несвойственное ему смущение.

— Все же хорошо получилось. Ты теперь княжий сотник и вообще... А ты словно и не рад вовсе...

Роська набрал воздуха, словно перед прыжком и выпалил:

— Из-за Юльки, да? Думаешь, не простит? Ну ведь тебе на ней все равно никак жениться нельзя! Может, это Знамение? Раз сам князь тебе жену нашел. Она тоже поймет, что тут у тебя и выбора не было, раз Бог форсмажор посылает...

— Че-го?!

Мишка едва не поперхнулся от такого пассажа, мучительно вспоминая, когда это его угораздило так непредусмотрительно просветить падкого на филологические новинки крестника в столь специфической терминологию.

гии, как юридическое понятие «форс-мажор», и каким таким кандибобером оно у того трансформировалось в Волю Божью.

— Ну, ты ж сам говорил, что бывают такие ...э-э... объективные обстоятельства непреодолимой силы, которые не зависят от нашей воли и из-за которых невозможно исполнять договорные обязательства. А это освобождает тех, кто заключил договор, от ответственности... — торопливо объяснил Роська, по-своему расценивший изумление своего сотника. — То есть Знамение Божье, что ж ещё? Чтобы соблазна не было. Просто тогда тебе и сомневаться не надо, и перед Иулией вины твоей нет. Всевышний лучше нас разумеет, что нам всем во благо... — крестник вздохнул и сник. — Ну ты же сам говорил, что долг превыше всего почитать надобно... Вот я...

— Напомнить мне решил, что ли?

«Ну вот, сэр, первый пошел... В соответствии со сложившимся за последнее время стереотипом вам следует изобразить гнев и двинуть наглеца в ухо. Но лень — за день так намотался... И выбрал же поручик время! Хотя сами, сэр Майкл, виноваты — так до сих пор толком и не поговорили с ближниками.

Ясное дело: все отроки аж светятся, дай им волю — устроили бы чествования своего сотника и пир закатили. Ну да, как же — сам князь обласкал и возвысил. И не только вас — всю сотню в вашем лице признал не сопляками, кои у взрослых на подхвате, а воями... Вашу сотничью гривну они и своей наградой считают — и совершенно заслуженно, разумеется, считают. И Евдокию, кстати, тоже. Вот только не знают, что к ней в нагрузку прилагается, а вам пока что даже ближникам недосуг объяснить, да и двумя словами тут не отделаешься...»

До отъезда у него так и не нашлось времени собрать совет. И до пира княжьего казалось, что дел уже столько, что до нужника некогда добежать, а после него ещё